

Как стать ребенком, не впадая в детство

Известия — 2000 11 авг. — с. 11

Литературный секретарь Корнея Чуковского, живущая сейчас в США, привезла в Москву рукопись книги «Хронологическая канва жизни Корнея Чуковского», созданную на основе собранных ею 50 тысяч документальных свидетельств. Корреспондент «Известий» Элла МАКСИМОВА попросила Клару ЛОЗОВСКУЮ поделиться воспоминаниями о знаменитом писателе.

Едва ли найдется в истории литературы другой писатель, печатавшийся при жизни 70 лет подряд. Его друзьями, знакомыми были Блок и Маяковский, Горький и Куприн, Ахматова и Зощенко, Репин и Анненков, Твардовский и Фадеев. С «Мойдодыром» и «Бармалеем» выросли в одной семье четыре, а то и пять поколений. Историк литературы, критик, переводчик, языковед — собрание сочинений представляет нам Корнея Чуковского главным образом в этих ипостасях. Но, по словам Каверина, его «присвоили» дети и «его сказки никогда не состарятся, потому что через детство проходят все».

Вот-вот должно поступить в продажу энное, кажется тридцатое, издание «От двух до пяти». В столичном магазине «Москва» народ уже спрашивает. Стихи Чуковского не исчезают с его персональной полки — их раскупают и раскупают, они выходят и выходят.

Корней Иванович жил в подмосковном писательском поселке Переделькино, где рядом с ним в течение 17 лет работала Клара Лозовская. По признанию К.И., внучка Люша (Елена Цезаревна) и Клара были «самыми близкими друзьями» его долгой старости.

Наш разговор начался с общего воспоминания о том, как я приезжала к Чуковскому с просьбой написать для «Известий» статью о современном русском языке. Он на удивление легко согласился. Статьей «Сыпь» открылась потом известная книга К.И. «Живой как жизнь». Перед встречей с классиком я, понятно, волновалась, но еще больше — в день публикации: как бы не по-

правили, не сократили.

— И не зря! Немного позже у вас в «Известиях» напечатали его статью о Собинове, К.И. так ее и назвал — «Собинов». А в газете она появилась со слонявым заголовком «Русский соловей». Он метался в ярости по кабинету, кричал вашему редактору по телефону: «Я еще не умер! Как посмели, оскрамили, не могу выйти на улицу!».

— Его сказки, стихи — очень детские по складу, по ритму, с перевертышами, дерзкими несообразностями, дразнилками. Вы видели его с детьми, как он вел себя с ними?

— Так же, как они с ним. Озорничал, прыгал по скамейкам, хохотал и кричал громче всех, подначивал трусливых, когда лазили по деревьям. На равных, без всякой натуги. Когда с моей 12-летней дочкой они разбирали присланные К.И. стихи, пенял ей, что она судит строже, чем он. Его самой уничтожительной характеристикой взрослого было «бездарный». А дети все были выдумщики и творцы. На традиционном костре «Здравствуй, лето!» он смотрел выступление маленького Кости Райкина, изображавшего деревня под ветром. К.И. был просто в упоении, как и от его стихов. В дневнике писал, что самый верный способ излечиться от тоски — созвать вечером ребячью компанию. Два часа этого бурного общения позволяли ему отправиться спать с чувством «блаженного спокойствия».

В одном из приветствий к его 85-летию говорилось так: «Ведь он один на свете знает средство, как стать ребенком, не впадая в детство». К.И. любил радовать, удивлять. Возвращаясь из Англии, из Оксфорда, где ему прису-

дили звание доктора литературы, он, чтобы развеселить какую-то девочку, взял и надел роскошную пурпурную докторскую мантию. Представляете, что творилось в самолете! Ему ничего не стоило остановить милицейский мотоцикл и попросить довести его до дачи Евтушенко, у которого есть про это стихотворение.

— У К.И. были актерские способности?

— Еще какие! Я сама сколько раз попадала в этот театр одного актера. Была однажды зрителем и в театре двух. В «Огоньке». К.И. беседовал с редактором. Вдруг дверь распахивается, и с порога бухается на колени Ираклий Андроников с воплем: «Здравствуйте, свет вы наш, благодетель Корней Иванович!» К.И. — тоже на колени, и оба начинают отбивать поклоны. Поклонялись, помогли друг другу встать и занялись своими издательскими делами. Такие проделки могут себе позволить только очень естественные и очень талантливые люди.

Он и меня втягивал в эти спектакли. Спрашивает: «Дети, знаете, что такое крепостное право? Сейчас узнаете. Кларка, сюда! Валенки!». Прибегаю, становлюсь, даваясь от смеха, на колени, стаскиваю с него эти валенки. «Вот, — говорит К.И., — что такое рабство». Обижаться! Так это же театр! Мы прекрасно понимали друг друга, а если ссорились, то по пустякам. Он вспыхивал мгновенно, но еще быстрее остывал. Только что проклинал нашу жизнь, партийных бонз: «Сволочи!». Самое ругательное слово. И тут же возвращался к работе — до следующей хамской, идиотской атаки цензоров или редакторов.

— Однако в 50—60-е годы он уже был патриарх, великий, всемирно известный...

— Да кого в ЦК это смущало! Правда, старались давить поаккуратней, воспитывать помягче. А он позволял себе издевательское непослушание. Помню, по-

звонили: едет Поликарпов, заведомо культуры ЦК. К.И. заскучал: «Станет меня терзать, чтоб забрал письмо в защиту Бродского». И мы придумали: К.И. будет лежать, накрывшись пледом, покашливать. В нужный момент я внесла «лекарство», он мне подмигнул и выпил. Когда Поликарпов с извинениями ретировался, я спросила, как побеседовали. Он сказал: «Отлично! Я его боялся, а он — меня». К слову, Бродский, когда его в Америке спросили, выступал ли кто-нибудь в его защиту, ответил, что никто. Ему напомнили о Вигдоровой, о Чуковском. Он сказал, что это — факт их биографии.

— А если вернуться в 30-е, в 40-е... Нынешние молодые родители и, наверное, их родители не поверят, что К.И. травил и в предвоенное время, и в послевоенное, что с «чуковщиной» жестоко боролись. В «Мойдодыре» усматривались политические иносказания, неприятие советской национальной политики, в «Тараканище» — намеки на Сталина. «Крокодила» безжалостно выкидывали из сборников. В 46-м после правдинской статьи «Пошлая и грязная стряпня Корнея Чуковского» вовсе перестали печатать. А как выкручивали руки, чтобы выбросил упоминания о Солженицыне в книге «Высокое искусство», иначе набор будет рассыпан.

— Что делать — подчинился и сам же оценил это как постыдное предательство... Я продолжу список: «От двух до пяти» была не раз под запретом, последний длился пятнадцать лет. В архиве К.И. я нашла письмо из Швейцарии, из Международного института библиопсихологии — книга признана выдающейся и внесена в список самых замечательных произведений мировой литературы, посвященной детям. И в это же время журнал «Красная печать» — был такой — призывал «взять под обстрел Чуковского» за пропаганду идеологии мешанства.

По приглашению Лидии Корнеевны Солженицын жил в доме К.И. и после его смерти, перед самым своим арестом. Как-то друзья соблазнили меня концертом в консерватории, я сомневалась, ехать ли, не хотела оставлять

— Его реакция на политический гнет, угрозы, всеобщую ложь?

— Была любимая шутка: «Я никакой власти не боюсь. Придут правые — заступится Коля, придут левые — Лидочка».

— Надо объяснить читателям, что правизна и левизна обозначали тогда понятия прямо противоположные нынешним. Коля — сын К.И., известный писатель Николай Чуковский, принимал действительность. А дочка Лидия Чуковская была открытым противником режима. Печатались в Самиздате, воительница, страстный публицист, автор великолепных мемуаров.

— К.И. всегда исходил из того, что литература — занятие не политическое, но обстоятельства и людские судьбы втаскивали его в политику. Он не мог не вступить за гонимых. Это было первым движением души. Без колебаний подписывал протестные петиции, слал деньги в тюрьмы и ссылку, поддерживал Пастернака, дал кров Солженицыну.

В 38-м расстреляли мужа Лидии Корнеевны. В арестные времена каждую ночь сам ждал гзпушных «опричников». Ну и кто ж посмеет кинуть в него камень за то, что в дневнике за рассказом о том, как он бросился поздравлять Пастернака с Нобелевской премией, следует подробная, так сказать, докладная о том же дне с припиской «для показа властям». Видимо, на случай, если дневник попадет в руки КГБ. И меня он винил: как сумасшедшая влетела к нему с известием о награждении, не дала времени оценить ситуацию. Резоны для опасений были: у дачи постоянно прогуливались незнакомые люди, дежурила машина.

По приглашению Лидии Корнеевны Солженицын жил в доме К.И. и после его смерти, перед самым своим арестом. Как-то друзья соблазнили меня концертом в консерватории, я сомневалась, ехать ли, не хотела оставлять

Писал безостановочно, называл себя «рабочей машиной». Литературный труд — главная отрада жизни. Это была как бы другая реальность, в которую он погружался без оглядки. Даже самым близким людям не прощал

Корней Иванович Чуковский с Кларой Лозовской

Александра Исаевича одного, но он меня успокоил. Вынул из-за шкафа вилы и стал в позицию: «Я их ни на шаг не подпущу!». Рано утром вышла — на снегу его следы, ведущие к калитке. Я их замела, не зная, что дурная примета.

— И тем не менее сколько же «продукции» выходило из-под пера К.И. ежегодно, ежемесячно в этих условиях, мягко сказать, не способствующих творчеству, тем более когда человеку за восемьдесят...

— Писал безостановочно, называл себя «рабочей машиной». Литературный труд — главная отрада жизни. Это была как бы другая реальность, в которую он погружался без оглядки. Даже самым близким людям не прощал

отнятых часов, отведенных для дела. Писал он трудно, бесконечно себя правил, перекраивал, пробоовал фразу на слух. В кабинете стояло четыре стола с заготовками, черновиками, закладками, чтобы легче было переключаться с запущенных одновременно в работу книги, статьи, рецензии.

— Почему уже после пятидесяти лет К.И. так настойчиво, методично стал думать и писать о близком умирании? А дожил почти до девяноста. Столько лет вести счет предсмертным дням!

— К.И. был веселый, радостный человек. Я думаю, что все это — результат мучившей его с молодости ужасной бессонницы. Это не дневные, а темные, ноч-

ные мысли. Утром он, как голодный, набрасывался на работу. Боялся не самой смерти, а невозможности писать, равнозначной для него концу всего. То, чего страшился, слава Богу, не произошло — разум его не покинул, он работал и в больнице. А физические муки выпали на его долю несправедливо тяжкие. Он говорил: «Пожелайте мне, чтобы завтрашнего дня не было». За неделю до последнего часа прислали из «Худлита» шестой, заключительный, том собрания сочинений. У него хватило сил на едкую реплику: «Долгожданное исчадие цензурного произвола». Они так и не выпустили его из своих лап.